

АРК. КИН., Д. ТОЛМАЧЕВ

ЖИЗНЬ АКТЕРА

В нашей памяти творческий облик Николая Федоровича Монахова тесно и неразрывно связан с Большим драматическим театром. Это вполне закономерно и оправдано. Ведь именно в этом театре сложилась лучшая и наиболее плодотворная часть творческой биографии народного артиста. Именно здесь Октябрьская революция дала возможность бывшему астраханцу — «лапотнику» и «оборванцу», шантанному комику и опереточному простаку — раскрыть свое блестящее драматическое дарование. Именно здесь ему удалось создать те разнообразные роли сначала в классическом, а затем в советском репертуаре, которые по праву сделали Н. Ф. Монахова одним из значительнейших мастеров советского театра.

Летом 1918 г. еще опереточный премьер, московский актер Монахов приехал в Петроград на 5 гастролей в «Палас-театре». Но ему не суждено было возвратиться обратно в Москву. По инициативе А. М. Горького и М. Ф. Андреевой — комиссара театров и артелей Союза Коммуны Северной области — Монахов принял за организацию театра «Трагедии, романтической драмы и высокой комедии», о котором он тайно мечтал за время всей своей дореволюционной артистической деятельности.

Тогда казалось, что сыграть короля Филиппа в трагедии Шиллера — недостижимая «синяя птица» для любимца публики «Вуфф» и «Палас-театра»!

А. М. Горький и М. Ф. Андреева открыли незаурядный драматический талант этого актера. Они доверили ему организацию нового драматического театра. И они не ошиблись.

Первые же выступления Н. Ф. в Большом драматическом театре в ролях короля Филиппа, Франца Моора, Шейлока, Алексея сопровождались исключительным успехом. Он сразу стал своим и близким тому новому зрителю, который в 1919 г. пришел в театр. Бойцам, отправлявшимся на фронт против Юденича, рабочим заводам, которые героически боролись с разрухой в осажденном городе, пролетарской молодежи тех лет был близок и понятен ро-

мантический пафос тогдашних постановок БДТ.

Реакция этого зрителя была подчас неожиданной для актеров. В своих воспоминаниях Монахов приводит характерный эпизод:

«Играя роль Франца Моора, — пишет Н. Ф. Монахов, — я был обескуражен смехом аудитории в самом трагическом месте пьесы — в сцене самоубийства Франца. Сама по себе эта сцена «доходила» и имела большой успех, но она почему-то вызвала смех у аудитории. Я проверил в своем исполнении репетиционно все — до мельчайших деталей — и не нашел ни одного момента, который мог бы вызвать не то что смех, но даже улыбку. И в то же время, чем насыщеннее и искреннее я передавал картину, заканчивающуюся смертью Франца, тем веселее смеялась аудитория. Я терялся в догадках... Беседа с одним из наших рабочих сцены раскрыла мои глаза.

— Чего они смеются, чему радуются? — спросил я его.

— Да как же не радоваться-то. Н. Ф.? Народ почувствовал свободу и как дитя радуется.

— Чего же радоваться, когда человек вешается?

— Да ведь какой человек! Разве Франц человек? Вот народ и радуется, что этому душегубу пришел конец. У нас таких больше не будет, всем душегубам — крышка. И заживем мы все согласно, мирно, по-братски. Как же не радоваться!

Но советский зритель требовал не только патетической героики. Он хотел видеть на сцене самого себя, он хотел видеть на сцене советских людей. И одним из первых, кто почувствовал это законное желание советского зрителя и дал на него творческий ответ, был Н. Ф. Монахов.

Его задача была вдвойне трудной. Нужно было не только создать полнокровные актерские образы советских героев, но и вместе со всем театральным коллективом, одним из руководителей которого он являлся, создать первые пьесы советской драматургии. Эта сторона деятельности Н. Ф. очень мало отмечена в нашей печати. Между тем, как вспоминают люди, работавшие с ним в те годы, он был активным и бескорыстным «соавтором» всех молодых драматургов, пришедших тогда в БДТ. Как рассказывает тогдашний завлит театра А. Пиотровский, Монахов долго уговаривал В. Лавренева написать пьесу «Мятеж», первое драматическое произведение этого автора.

— Это не так трудно! Это обязательно надо сделать! — неоднократно говорил Лавреневу Монахов.

Николай Федорович принимал самое близкое участие в черновой работе над пьесой и особенно над ее текстом. Он был очень требователен к слову. Прекрасное знание русского языка заставляло его тщательно и по нескольку раз пересматривать каждую реплику вместе с автором. И часто в спорах находились нужные слова и оттенки, первоначально отсутствовавшие в авторском экземпляре пьесы. Так создавались «Пурга», «Мятеж», «Блоха», «Человек с портфелем» — постановки, выдвинувшие в свое время Большой драматический театр в число передовых по репертуару театров Союза.

Н. Ф. Монахов создал образы, во-

шедшие в актив советского театра. Партизан Рузаев, матрос-большевик Годун, ученый Гранатов, Горюня, Бабичев, позднее Егор Булычев и др. персонажи советских пьес, сыгранные Монаховым, обеспечили ему прочные симпатии зрителя. Даже в непроходимых льдах Арктики команда ледокола «Красин» не забывает часы, проведенные в театре, где они наслаждались мастерской игрой Монахова. Выполнив ответственное поручение партии и правительства, команда ледокола «Красин» посылает Н. Ф. Монахову радиogramму, в которой горячо приветствует в его лице работников ленинградской драмы и сцены и с радостью сообщает, что красноречивые счастливо выполнили возложенные на них задачи.

За семнадцать лет работы в Большом драматическом театре Н. Ф. Монахов создал около пятидесяти ролей, при чем многие из них он играл из года в год, оставаясь бесменным их исполнителем. Рекордной в этом смысле является постановка «Слуги двух господ», не сходящей с репертуара с 1921 г. Роль Труфальдино была сыграна Монаховым 420 раз. В «Егоре Булычеве» Н. Ф. сыграл главную роль 155 раз за четыре сезона, в «Разломе» (Годун) — 167 раз, в «Дон Карлосе» (Филипп II) — 199 раз.

Однако, эта напряженная творческая работа не исчерпала всех сил и возможностей Николая Федоровича, одного из наиболее разносторонних артистов советской сцены. «Испробовав» в молодости эстраду, оперетту и оперу, завоевав общее признание, как драматический актер, он не мог пройти мимо кино, особенно звукового. Когда происходила звуковая киносъемка отрывков из «Егора Булычева», Монахов говорил:

— Я с большим вниманием и нетерпением слежу за успехами звукового кино. Помимо его художественных перспектив, оно представляет для нас, актеров, серьезный практический интерес. И правда, как я могу оставить после себя хоть слабое воспоминание о том, что я делал? Только через посредство звукового кино. Думаю, не сегодня-завтра, мы будем настолько состоятельны, что будем записывать свои спектакли на шорифоне и тогда мы, действительно, сможем служить примером для молодежи, которая захочет поучиться у нас.

Работа Н. Ф. в немом кино началась еще в 1928 г., когда он снимался в картине «Инженер Елагин»

в заглавной роли. В этой работе, — как он сам вспоминает, — он впервые овладевал кинематографической техникой, в частности, приемами актерской кино-игры. Он с большим вниманием просматривал классические заграничные фильмы, например, «Человек в ливрее» с участием Эмilia Янинга, приучаясь быть экономным и четким в своих движениях и жестах.

И здесь — в киноателье — он оставался дисциплинированным членом коллектива, несмотря на то, что ему, как театальному гастролеру, популярному народному артисту, могли быть предоставлены всяческие «вольности». Эта его дисциплинированность подтягивала всю постановочную группу. Н. Ф. Монахов на съемках «Дубровского» часами ожидал появления солнца, которое выглядывало на минуту, не слезал с лошади для того, чтобы не упустить драгоценных мгновений.

Характерно, что во время съемок в киностудии не раз проявлялось с его стороны то хозяйское внимательное отношение к мелочам, которое выработалось у Н. Ф. Монахова за годы его общественной работы. Например, проходя по длинному коридору, между четвертым и пятым ателье киностудии Ленинфильм, Н. Ф. обратил внимание, что коридор не отапливается и не освещается. И тут, как член Ленсовета, он обратился к директору киностудии с предложением исправить этот недостаток.

Депутат Ленинградского Совета нескольких созывов, активный работник профсоюза работников искусств и общественных организаций театра, он уделял большое внимание шефству над красноармейскими самостоятельными коллективами.

Общественная работа органически связывается Монаховым с его художественным творчеством.

«Эта работа не только не мешает моей художественной работе, — пишет в своей книге Н. Ф. Монахов, — но заполняет мою жизнь, вдохновляет мои мысли в творческой работе. Я вошел сейчас в гущу общественной жизни Ленинграда. Моя работа в массах, с массами и для масс является радостью и целью моей жизни. Теперь мой врожденный оптимизм не беспредметен. Он зиждется на твердом понимании пронесшегося великого строительства и на ясном предвидении захватывающих перспектив близкого будущего».